

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

НЕ СМОТРИ ЕЙ В ГЛАЗА

В детективах полуночи старинные легенды оживают в современности. Окунитесь в мистические тайны и ощутите дыхание неведомого...

детектив полуночи

Маша Любимова и Глеб Корсак.
Следствие ведут профессионалы

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Не смотри ей в глаза

«ЭКСМО»

2012

Грановский А.

Не смотри ей в глаза / А. Грановский — «Эксмо»,
2012 — (Маша Любимова и Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы)

ISBN 978-5-699-58999-9

Маша Любимова тяжело переживала расставание с Глебом. Только работа помогала ей отвлечься от тягостных мыслей... Она слушала свидетелей ограбления банка и думала: не могли же они сойти с ума одновременно? Но все в один голос утверждали: грабитель скрылся, пройдя сквозь стену. А его лицо на записи с камер оказалось засвеченным... Только сообщение об экстраординарном происшествии вытащило Глеба Корсака из депрессии – кто-то жестоко убил девушку, выложив на ее правой щеке дорожку из стеклянных слез. В архиве Глеба нашлась информация о таком же преступлении, но совершенном больше двадцати лет назад... Корсак еще не знал, что это дело вплотную связано с расследованием Маши и им скоро придется снова встретиться...

ISBN 978-5-699-58999-9

© Грановский А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
1	7
2	9
3	14
4	16
5	21
6	24
7	29
Глава 2	36
1	36
2	40
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Грановский, Евгения Грановская

Не смотри ей в глаза

Пролог

Собака лежала на льду реки, тихо поскуливая и глядя на своего мучителя полными ужаса глазами. Передние и задние лапы ее были стянуты проволокой. Такой же проволокой была замотана пасть. Из уголков глаз собаки вытекли слезы и замерзли, превратившись в слюдяные дорожки, сверкающие на полуденном солнце.

Рядом с собакой сидел на корточках темноволосый мальчик в зимней куртке и меховой шапке. Мальчик смотрел на собачьи слезы, примерзшие к шерсти, – казалось, вид этих слез заморозил его. Вдоволь налюбовавшись слезами, он протянул к собаке левую руку и участливо проговорил:

– Все будет хорошо.

Собака заскулила, задергала связанными лапами. Мальчик опустил руку собаке на голову и стал тихонько ее поглаживать, продолжая любоваться замерзшими слезами.

– Не волнуйся. Скоро все закончится.

Продолжая поглаживать собаку левой рукой, правой он поднял что-то со снега, улыбнулся, а потом вскинул руку над головой, намереваясь нанести сокрушительный удар. И в эту секунду за спиной у него хрустнул снег.

– Что ты делаешь? – послышался изумленный окрик.

Мальчик обернулся и увидел другого мальчика, стоявшего на высоком заснеженном берегу реки. Тот был на полголовы выше, так же худощав и темноволос, но одет не в куртку, а в драповое клетчатое пальто взрослого фасона.

– Это не я! – испуганно воскликнул мальчик в куртке и вскочил на ноги. – Это не я! Когда я пришел, она уже была такой!

Мальчик в клетчатом пальто подошел к собаке, присел рядом и принялся распутывать проволоку, стягивавшую ей лапы.

– Это не я! – сказал мальчик в куртке. Он шмыгнул носом. – Я не виноват! Она уже была связана. Это не я!

Его собеседник распутал проволоку. Собака вскочила на ноги и, пошатываясь, побежала прочь. Мальчик в пальто выпрямился. Некоторое время он молчал, затем твердо проговорил:

– Если тебя не остановить, ты снова сделаешь *это*. Я должен все рассказать.

Мальчик в куртке оборвал плач. Во взгляде его снова появился испуг.

– Ты расскажешь про меня всем?

Мальчик в драповом пальто нахмурился:

– Тебе нужна помощь. Один я не смогу тебе помочь.

С этими словами он повернулся и зашагал прочь.

– Постой! – окликнул его мальчик, одетый в куртку.

Мальчик в клетчатом пальто остановился и медленно повернул голову. Мальчик в куртке уже не плакал, он смотрел на своего собеседника глазами, в которых полыхали смешливые огоньки. Он улыбнулся и проговорил:

– Ты никому об этом не расскажешь.

Мальчик в пальто посмотрел на него с сочувствием.

– Ты болен, – сказал он с грустью в голосе. – Тебе необходимо лечиться.

– Я? Болен? – Мальчик в куртке рассмеялся.

– Если тебя не остановить, все будет только хуже! – крикнул мальчик в клетчатом пальто.

Внезапно смех прекратился. Кулаки маленького убийцы сжались. С ненавистью глядя на мальчика в драповом пальто, он процедил:

– Если кому-нибудь расскажешь, я тебя убью.

Некоторое время оба смотрели друг другу в глаза, потом собеседник маленького убийцы отвернулся и зашагал дальше.

– Я не шучу! – раздался ему вслед злобный вопль. – Я тебя убью!

Мальчик в клетчатом пальто не остановился. Некоторое время маленький убийца стоял неподвижно, глядя ему вслед, и с каждой секундой светлые глаза его становились все темнее и темнее, а затем он выхватил из кармана куртки моток проволоки и ринулся за удаляющимся мальчиком, разматывая на ходу проволоку. Он быстро нагнал противника и ловко сделал ему подножку, а когда тот упал, набросил ему проволоку на шею и сильно сдавил.

– Я тебе говорил, чтобы ты ко мне не лез!

– Это не ты... – прохрипел мальчик в клетчатом пальто, пытаясь оттянуть проволоку от горла. – Это делаешь не ты... Это твоя болезнь...

– Это делаю я, придурок!

Проволока все сильнее впивалась в шею мальчика. Выступила кровь.

– Пу... сти...

– Я убью тебя!

Мальчик в клетчатом пальто захрипел, лицо его налилось кровью, но он собрался с силами и, извернувшись, ударил противника локтем в лицо. Маленький убийца вскрикнул и на секунду ослабил хватку. Мальчик в драповом пальто попытался подняться, но убийца снова на него набросился. Оба мальчика упали и кубарем покатались по пологому склону берега вниз. Выкатившись на реку, они продолжили драку, но тут ненадежный весенний лед проломился, и оба с плеском ушли в черную воду.

Через пару секунд две мокрых мальчишеских головы снова показались над поверхностью. Один из противников схватился за кромку льда и попытался выбраться. Кровь из пореза на шее окрасила снег. Второй схватил его за ворот пальто и потащил обратно в реку. Некоторое время мальчики барахтались на поверхности, хрипя и хватая ртами воздух, а потом снова скрылись под водой, и черная пелена с ледяным крошевом сомкнулась над их головами.

Глава 1

1

В помещение «Ростбанка» вошел высокий пожилой мужчина в длинном сером пальто, и сам какой-то серый, безликий. С таким столкнешься на улице – не запомнишь лица. Воротник пальто был поднят, а сам мужчина шел, ссутулившись и сунув руки в карманы, словно никак не мог согреться.

Он подошел к кассе, пристроился к очереди и внимательно огляделся. Скользнул взглядом по лицам двух охранников в темно-синей униформе, с дубинками и пистолетами на боку. Потом посмотрел на рыльца видеокамер, висевших под потолком.

Глазки видеокамер потухли, отключились – одна за другой, чего никто из присутствующих не заметил.

Мужчина в сером пальто сдвинул брови, отошел от очереди, остановился в центре зала и вдруг крикнул:

– Минуту внимания! Я прошу минуту внимания!

Все, кто был в зале, повернули головы на его громкий голос.

– Я никому не хочу причинить вреда! – продолжил мужчина. – Поэтому советую всем воздержаться от резких движений!

С этими словами он поднял правую руку и щелкнул пальцами. В ту же секунду несколько мужчин, находившихся среди тех, кто стоял в очередях, быстро натянули на лица лыжные шапочки с прорезями для глаз, откинули полы курток и выхватили короткоствольные автоматы.

– Все на пол! – крикнул один из них. – Живо!

Охранники банка судорожно потянулись за пистолетами, но двое мужчин в лыжных шапочках-масках шагнули к ним сзади и резко ударили прикладами автоматов по затылкам. Охранники рухнули как подкошенные.

Посетители повалились на пол и замерли, глядя на все происходящее испуганными глазами.

Мужчина в сером пальто снова пришел в движение. Несколько секунд он ходил от окошка к окошку, отдавая распоряжения грабителям и кассирам...

Вскоре сейфы были открыты. Люди в черных масках, а их было трое, действовали четко и слаженно, один набивали рюкзак пачками денег, другие держали клиентов и сотрудников банка под прицелами автоматов.

Мужчина в сером пальто вновь повернулся к людям, лежавшим на полу.

– Не советую никому геройствовать! – отчеканил он хрипловатым голосом. – Нам не нужны трупы! Вам, надеюсь, тоже!

Набив деньгами два рюкзака, люди в черных масках зашагали к стеклянным дверям банка. Человек в сером пальто последовал за ними. Но вдруг все четверо остановились. Сквозь стеклянную дверь было видно, как двое полицейских в форме, беззаботно о чем-то переговариваясь, поднимаются по заснеженным ступенькам по входу.

А дальше произошло нечто невообразимое – грабители дружно, как по команде, повернулись и двинулись к одной из стен, отделяющей банк от узкого переулка. Дойдя до стены, все четверо, включая человека в сером пальто, на миг остановились, а затем шагнули прямо в стену, словно она была сделана из воды или пара, и через мгновение скрылись из вида.

– Господи!.. – выдохнул кто-то.

В ту же секунду охранник подхватил с пола пистолет, вскочил на ноги, выстрелил в стену и рухнул на пол как подкошенный: пуля, от ricochetив от стены, попала ему в лоб.

Кто-то закричал. Люди в зале зашевелились, стали вставать. Лица у них были бледные, обескураженные. Они смотрели на стену и друг на друга, словно не доверяли собственному зрению и просили у окружающих молчаливой поддержки.

В этот момент в банк вошли полицейские. Они остановились, несколько секунд стояли неподвижно, а затем сорвали с поясов рации...

Тем временем на улице разворачивалось новое действие, которое ничуть не уступало по своей фантастичности первому. Подержанная черная «Шевроле Нива» с грабителями в салоне вынырнула из переулка и понеслась к шоссе. Но патрульная машина, скрипнув тормозами и подняв колесами облака снега, уже остановилась возле банка, и мужской голос уверенно проговорил:

– Внимание всем постам! Это Седьмой! Вижу удаляющийся на большой скорости автомобиль «Шевроле Нива» черного цвета! Он движется в сторону Сущевского Вала! Я заблокирован, перехватите его!

– Понял тебя, Седьмой! – отозвался голос из рации. – Вижу черную «Шевроле Ниву», движущуюся к Сущевскому Валу! Начинаю преследование!

Белый седан с надписью «Полиция» на боку сорвался с места и устремился вслед за черной «Шевроле Нивой». «Шевроле Нива» резко свернула в переулок, проехала метров пятьдесят и вдруг, отчаянно закрипев тормозами, остановилась.

Через дорогу переходил мальчуган лет одиннадцати с собакой на руках, и машина едва не сбила его. От дуновения воздуха русые волосы мальчишки взметнулись вверх, а сам он остановился как вкопанный посреди дороги и уставился на водителя, сидевшего за рулем «Шевроле Нивы». Собака на руках мальчишки громко тявкнула, и мальчик вышел из задумчивости.

– Мух, бежим! – крикнул мальчик, крепче прижал к себе собаку и быстро перебежал через дорогу.

Черная «Шевроле Нива» рванула с места, в считанные секунды достигла следующего поворота и, свернув, исчезла из вида.

2

Оперативник Стас Данилов вышел из банка, поежился, быстро добежал до полицейского микроавтобуса, забрался в салон и захлопнул за собой дверцу. Потом повернул голову, взглянул на морозную пелену за окном и проворчал:

– Меня достала эта работа. Меня достала эта зима. Меня достал этот гребаный холод!

– А ты не пробовал одеться потеплее? – осведомился сидевший рядом с ним оперативник Толя Волохов. – Говорят, пуховики и шапки помогают.

Стас, одетый в синтепоновую куртку и драповую кепку, посмотрел на приятеля, одетого в старенький, но толстенный пуховик и шапку-ушанку, скривился и сказал:

– Ты похож на деда Мазая, снявшего куртку с огородного чучела.

Толя хотел парировать, но в это время в машину забралась Маша Любимова.

– Уф-ф, холодрыга, – проговорила она своим мягким, воркующим голосом. – Когда уже весна, а?

– Если верить календарю, через два с половиной месяца, – сказал на это Стас. – Но календари часто врут.

Маша улыбнулась и достала из сумочки пачку «Агата rich» и зажигалку. Стас невольно залюбовался ее по-кошачьи грациозными движениями. Сегодня майор Любимова была одета в элегантное серое шерстяное пальто и такой же элегантный черный бархатный берет, из-под которого выбивались ее белокурые локоны. Маша прибыла на место преступления недавно и еще не успела полностью войти в курс дела, однако то, что она успела узнать от коллег, привело ее в изумление. Впрочем, как и остальных оперативников.

Маша щелкнула серебряной зажигалкой, прикурила от язычка огня изящную коричневую сигарету с золотым ободком и выдохнула вместе с дымом:

– Ребят, это чертовщина какая-то.

– Согласен, – сказал Стас, все еще поеживаясь. – Мне и раньше попадались сумасшедшие свидетели, но чтобы сразу полтора десятка – такого еще не было.

– Не торопись записывать их в сумасшедшие, – возразила Маша. – За чудесами, о которых они рассказывают, что-то кроется. Что-то такое, с чем нам еще не приходилось иметь дело. Быть может, грабители распылили отравляющее вещество? – Она пожала плечами. – Ну, или пустили какой-нибудь газ, который вызывает у людей галлюцинации.

– Но, если верить свидетелям, грабители были без респираторов, – возразил Толя, басовитый, здоровенный и похожий на медведя в своей меховой шапке. – Они рисковали и сами надышаться этой дрянью.

– Да, это вопрос, – согласилась Маша.

Толя тоже закурил, посмотрел на Машу сквозь завесу табачного дыма и сказал:

– Так что там у тебя с твоим Глебом Корсаком, Марусь? В машине ты сказала, что вы с ним разбежались. Честно говоря, поверить в это трудно.

– И все-таки это так, – сказала Маша. – Мы разошлись. Быть может, на время; быть может, навсегда.

– И что он натворил на этот раз? – поинтересовался Стас.

– Играл в карты, – сухо ответила Маша.

Стас и Толя переглянулись.

– Проигрался? – уточнил Толя.

Маша усмехнулась:

– Он никогда не проигрывает, ты же знаешь.

– Тогда из-за чего весь сыр-бор?

– Он поклялся никогда не садиться за карточный стол. А четыре дня назад я хотела сунуть в стиральную машинку его пиджак, а из внутреннего кармана выпала «котлета» денег.

– И сколько там было? – живо поинтересовался Стас.

– Восемь тысяч долларов.

Толя присвистнул.

– Из моих карманов сыплется только мелочь, – с горькой усмешкой сказал он. – И как? Глеб пытался оправдаться?

– Еще бы! – Маша поежилась. – Сказал, что хотел помочь другу.

– Другу?

– Осип Бриль, – пояснила она. – Помните такого? Бриль проигрался в пух и прах, и Глеб занял его место за игральным столом. И в итоге не только отыграл все деньги Бриля обратно, но и выиграл восемь тысяч долларов. Говорит, увлекся, не смог остановиться.

– Он у тебя вообще увлекающийся парень, – сказал Стас. – Только все равно не пойму, из-за чего ты с ним так. Я слышал, что победителей не судят.

Маша сдвинула брови:

– А если бы он проиграл? Мне нужен серьезный, ответственный взрослый мужчина, который будет заботиться обо мне и сыне.

– И ты высказал все это Глебу?

– Да.

– А он?

– Сказал: «Нет проблем, ищи себе взрослого мужчину». Собрал сумку и ушел.

Волохов посмотрел на Машу сочувственно:

– Зря ты с ним так! Вы были отличной парой.

Маша дернула плечом:

– Ничего, мы с сыном не пропадем. Такие красавчики, как мы с Митькой, долго в одиночестве не засиживаются.

– Да уж, кандидатов на место Глеба найдется много, – пробасил Волохов и покосился на Стаса.

– На меня, что ли, намекаешь? – хмыкнул тот. – Марусь, а может, правда? Ты привлекательна, я – чертовски привлекателен. Что, если мы с тобой...

– Даже не мечтай, – отрезала Маша.

Стас притворно вздохнул:

– Жаль. Я отличный парень.

– Ты бабник, – спокойно возразила Маша.

– И что? Разве бабник не может быть хорошим парнем? И потом, я не просто бабник. Я – «мужчина в поиске». Как только найду женщину своей мечты, тут же успокоюсь.

– Я на эту роль не гожусь, – сказала Маша.

– Не уверен. Кстати, насчет «роли»: в кинематографе есть такая вещь, как кинопробы...

– Стас, вернись на землю, – посоветовала Маша. – И давайте займемся делом. Толя, что там с записью видеокамер, я не совсем поняла?

Толя кашлянул в кулак и забасил:

– Мы со Стасом показали запись свидетелям. Никто из них не смог опознать грабителей – ни по одежде, ни по росту, вообще никак. Будто они возникли в банке спустя мгновение после того, как организатор ограбления выключил видеокамеры.

– Что насчет человека в сером пальто? Он ведь смотрел прямо в объективы камер – причем в каждый поочередно. До того, как они вышли из строя.

– На всех записях с видеокамер лицо человека в сером пальто оказалось засвечено.

– Что значит «засвечено»?

– То и значит, – ответил Стас вместо Толи Волохова. – Вместо лица – размытое светлое пятно со смазанными чертами. Тебе стоит на это взглянуть самой.

– Как он сумел вывести камеры из строя?

– Ребята из техотдела предполагают, что этот ублюдок пронес с собой в банк источник высокого электромагнитного излучения. Этот источник и вырубил камеры. Но что это за прибор – пока неясно.

Маша сунула окурок с золотым ободком в пепельницу, полезла было в сумочку за второй сигаретой, но передумала.

– Попробую-ка я еще раз опросить свидетелей, – сказала она.

– Зачем? – прогудел Толя.

– Хочу услышать всю эту занимательную историю из первых уст. Люблю фантастику!

– Попкорн купить не забудь, – посоветовал ей Стас. – Уж развлекаться – так развлекаться.

– Я не против, – парировала Маша. – Сгоняешь для меня в магазин?

– Только верхом на Волохове, – сказал Стас.

Толя молча поднес к лицу Стаса огромный кулак. Данилов брезгливо оттолкнул его, фыркнул и снова обратился к Маше:

– Будь поосторожнее со свидетелями, Марусь. Сейчас с ними работает психолог.

Маша приподняла брови:

– Все так запущено?

– А что было бы с тобой, если бы ты увидела безликих грабителей банка, которые умеют проходить сквозь стены?

– Я бы зашла в ближайший бар и хорошенько напилась.

– Да, это лучше болтовни психолога, – согласился Стас. – Кстати, хочешь подкину тебе еще один повод напиться?

– Ну? – прищурилась Любимова.

– После того как грабители прошли сквозь стену банка, они покинули место преступления на черной «Шевроле Ниве». Машину вскоре нашли. Но перехватить ее не удалось. «Шевроле Нива» свернула в переулок и исчезла.

– Как исчезла?

– Как след от дыхания с полировки стола.

Маша озадаченно нахмурилась.

– Ганнибал Лектор идет, – известил коллег Толя Волохов.

От здания банка к ним шел судмедэксперт Лаврененков. Пожилой, тощий и морщинистый, как старое дерево, но при этом чрезвычайно жизнелюбивый.

Он влез в машину, впусив облако пороши, захлопнул дверь и повернулся к оперативникам:

– Видали, какой холод! Интересно, что будет в крещенские морозы. Машунь, дай сигаретку – погреюсь!

– У меня ароматизированные, со вкусом ирландского кофе.

– Люблю кофе. И Ирландию уважаю.

Угостившись сигаретой, Семен Иванович сказал:

– Красивый труп, я бы даже сказал – классический. Лежит себе – ручки раскинул, подбородок поднял высоко, лицо чистое, одухотворенное.

– Вы как будто не о человеке говорите, – хмуро сказал Волохов. – А у него, возможно, осталась семья.

Судмедэксперт смерил Толю ироничным взглядом и заметил:

– Толя, под твоей бронированной кожей бьется чувствительное и трепетное сердце тургеневской барышни.

Волохов хмыкнул, а Семен Иванович перевел взгляд на Машу и сказал:

– Вкусные у тебя сигареты, Марусенька. И где только ты их берешь?

– В магазине, – сказала Маша. – Попробуйте – может, и у вас получится.

Семен Иванович скривил губы, словно Маша предложила ему что-то непристойное:

– Машенька, ну что ты такое говоришь? Чтобы я тратил деньги на эту отраву!

Лаврененков выпустил тонкую струйку бледно-голубого дыма и сказал:

– Дела, ребятушки, обстоят так. Охранник, по моему скромному разумению, не стрелял в грабителей. И в стену не попадал. И рикошета никакого не было.

Лица оперативников вытянулись от удивления.

– Но ведь свидетели все как один говорят, что...

– Насчет свидетелей не знаю, я не психиатр, – сказал Лаврененков. – Но я, как эксперт... а я хороший эксперт... заявляю: ваш охранник стрелял не в грабителей. Он стрелял себе в лоб. И, как вы уже поняли, не промахнулся. Ах, какая вкусная сигарета! Марусь, дашь парочку про запас?

– Легко. – Маша достала пачку и вынула две сигареты. – Семен Иванович, по-вашему, выходит, что охранник покончил жизнь самоубийством?

– Выходит, что так. – Эксперт запихал сигареты в нагрудный карман куртки. – Хотя я не исключаю, что он и в самом деле был уверен, будто стреляет в преступника.

Маша и Толя Волохов переглянулись.

– Что-то я не совсем понимаю, – пробасил Волохов.

– Это меня не удивляет, – сказал Лаврененков. – Никотин сужает сосуды и вызывает атеросклероз, и как следствие – преждевременное старческое слабоумие. Подумай об этом, когда в следующий раз потянешься за пачкой «Петра».

– Но вы сами-то курите!

– Я старый, мне можно. Марусь, на чем я остановился?

– Вы утверждали, что мы имеем дело с коллективным психозом, – напомнила Любимова.

– Я, Марусенька, ничего не утверждаю. Я просто говорю, что все клиенты банка, а также служащие и охранники внезапно помешались. А что послужило этому причиной – решать тебе.

– Быть может, грабители распылили в помещении банка отравляющий газ?

– Все возможно, – кивнул Семен Иванович. – А может быть, имело место какое-нибудь другое воздействие.

– Какое, например?

Эксперт пожал худыми плечами:

– Не знаю, Марусенька. Я живу на свете почти шестьдесят лет и за это время повидал великое множество чудес, которым невозможно найти объяснение.

– И все же нам придется это сделать, – вздохнула Маша.

К машине подбежал молодой оперативник. Приоткрыл дверцу и выпалил:

– Мария Александровна, у нас есть свидетель, который видел водителя черной «Шевроле Нивы»!

– Свидетель?

– Да. В паре кварталов отсюда мальчишка переходил дорогу и чуть не угодил под колеса автомобиля. Автомобиль мчался с бешеной скоростью, и это была черная «Шевроле Нива»!

– Где этот мальчик?

– В отделении полиции на Ольминского. Тут недалеко.

– Как он туда попал?

– Два дня назад пацана привезли в Москву из подольского детдома. Его усыновила московская семья. Паренек переночевал в их квартире, а утром сбежал. Но бегал недолго, около часа назад его поймали, вот тогда-то он и рассказал про черную «Шевроле» и мужчину, который сидел за рулем.

– Мальчик видел его лицо?

– Вроде да.

Глаза Маши Любимовой блеснули.

– Что ж, в таком случае самое время проехаться, – сказала она.

3

– Ольга Игоревна, мне нужно сделать пару звонков, – сказал патологоанатом. – Экспертное заключение у вас в руках. Я вам больше не нужен?

– Нет. Спасибо.

Патологоанатом ушел, оставил Ольгу Твердохлебову наедине с телом убитой девушки. А тело это отличалось от всего, что капитан полиции Ольга Твердохлебова видела до сих пор.

Анна Смолина. Двадцать два года. Полная, белокожая, с ярко-рыжими волосами. Когда девушку обнаружили, одежда ее вмерзла в снег, правый открытый глаз уже покрылся тонкой корочкой льда, а на месте левого багровело жуткое вспучившееся пятно замерзшей крови.

Но было и кое-что пострашнее – цепочка из четырех маленьких кусочков стекла на левой щеке девушки. Словно вдавливая их острыми краями в кожу, убийца пытался изобразить что-то вроде дорожки из слез. Эти осколки стекла и впрямь были похожи на слезы. Сейчас их уже извлекли, и на бледной коже трупа остались темные, едва заметные порезы, похожие на зарубки.

Ольга отвела взгляд от пустой глазницы девушки и двинулась прочь. В соседней комнате чаевничали два молодых парня-стажера. Твердохлебова прошла мимо, открыла дверь и вышла в коридор. Боковым зрением она успела заметить их взгляды, и взгляды эти не отличались от взглядов ее коллег-оперов. Те смотрели на нее без особой приязни, некоторые – насмешливо, другие настороженно, но никто из них никогда не смотрел так, как мужчины смотрят на женщину. Да они и не видели в ней женщину.

Впрочем, Ольга и сама давно перестала смотреть на себя как на женщину, и это не могло не отразиться на ее внешности. Волосы Твердохлебова стригла коротко, «под мальчика», из одежды предпочитала джинсы, свитера и куртки. Сложения Ольга была крепкого, а на сухом, худощавом, бледном лице ее не было и тени косметики. Никакого намека на духи; ногти без маникюра и коротко острижены.

Притворяя за собой дверь, она услышала, как стажеры переговариваются между собой, и на несколько секунд остановилась.

– Симпатичная баба, только слишком уж суровая, – сказал один.

– Лесбиянка – что с нее возьмешь, – сказал второй.

– Лесбиянка? Ты точно это знаешь?

– Да все это знают. Говорят, никто никогда не видел ее с мужиком.

– А с бабой?

– С бабой тоже.

– Так, может, она просто фригидная?

Стажеры загоготали. Твердохлебова усмехнулась, но в усмешке ее проскользнула горечь.

Шагая по коридору, она на ходу просматривала заключение судмедэксперта.

В смерти Анны Смолиной было много страшного и необъяснимого. Во-первых, убили ее довольно жутким способом – вогнали в глаз колющее оружие, что-то вроде наконечника копья. Но что это было за оружие – экспертам определить не удалось. Ни частиц железа, ни частиц керамики, ни частиц дерева. Но зато есть частицы хлора – и в ране, и на разорванной одежде.

Откуда там взялся хлор? Убийца решил продезинфицировать наконечник копья, прежде чем вогнал его девушке в глаз?

Ольга ухмыльнулась – ну и чушь.

Вторая странность: зачем убийце понадобилось втыкать в щеку девушке кусочки стекла? Что он хотел этим сказать?..

По просьбе Ольги специалисты составили психологический портрет убийцы, но поможет ли это хоть на микрон приблизиться к разгадке?

По мнению психологов и экспертов-криминалистов, убийце от двадцати пяти до сорока пяти лет. Скорей всего, он высокого роста, физически хорошо развит. Живет одиноко, социально плохо адаптирован. В прошлом перенес психическую травму, связанную с унижением. Возможно, в той истории была замешана женщина, и убийство Анны Смолиной можно (хотя бы отчасти) считать попыткой запоздалого мщения всему женскому полу.

И что мы имеем на выходе? Молодой, сильный, волевой, озлобленный на мир мужчина убил девушку оружием, которое предварительно продезинфицировал раствором какого-то хлорида?

Твердохлебова пригладила ладонью ежик волос и дернула щекой: бред какой-то!

И как объяснить тот факт, что экспертам не удалось установить оружие убийства? Даже приблизительно!

Закрывая отчет судмедэксперта, Ольга Твердохлебова взглянула на фотографию убитой девушки. Она казалась уснувшей Снежной Принцессой, которой приснился страшный сон, из-за которого она заплакала стеклянными слезами.

Что же за извращенец мог сотворить такое? Сумасшедший художник? Вряд ли. Хотя... Ольга угрюмо усмехнулась. Нынешние художники уже не рисуют картины, они реализуют себя в акциях, которые в большинстве своем граничат с хулиганством или откровенным извращением.

«Проверить в любом случае стоит», – решила капитан Твердохлебова и сунула отчет под мышку.

4

Мальчик был невысоким и худым, похожим на большинство двенадцатилетних подростков. Волосы русые, торчащие, не подчиняющиеся расческе, к тому же неровно обрезанные (что говорило о том, что стриг он их сам).

– Итак, ты у нас Максим Быстров. – Женщина-инспектор, которую звали Алла Львовна, посмотрела на мальчика веселыми глазами. – Красивая фамилия. И тебе подходит. Говорят, ты быстро бегаешь.

– Побystрее некоторых, – хмуро ответил мальчик и погладил дремлющую у него на коленях собаку.

Женщина посмотрела на собаку.

– Давно она у тебя?

– Давно.

– Как зовут?

– Мух.

Она улыбнулась, и на пухлых щеках ее обозначились ямочки.

– Смешное имя. А он у тебя и правда похож на Муху.

– Мух – это сокращение от Мухтара, – неприветливо проговорил мальчик.

– Спасибо, что пояснил, я сама бы ни за что не догадалась.

– Не за что. Кушайте с булочкой.

В комнату вернулся дежурный полицейский, молодой парень с вихрастыми волосами.

– Я дозвонился до его родителей, – сказал он. – Скоро они приедут за ним.

– Они мне не родители! – громко и презрительно проговорил Максим. – Мои родители давно умерли.

– Но эти люди усыновили тебя, так что теперь они твои *новые* родители, – сказала Алла Львовна.

– Я их об этом не просил.

Молодой полицейский усмехнулся и, ни слова не говоря, открыл журнал. Алла Львовна внимательно посмотрела на мальчика.

– Не понимаю, – сказала она. – Все детдомовские дети хотят, чтобы их усыновили или удочерили. Я уверена, что и ты этого хотел, раз дал свое согласие. Что теперь-то не так?

– Они хотели выбросить Муха.

– Вот оно что, – улыбнулась Алла Львовна. – Значит, дело в этом песике. Чем же он им не угодил?

– Тем, что он есть, – невесело ответил Максим. – И еще тем, что сгрыз дурацкий ботинок, который никому не был нужен. И порвал штору. И разбил какой-то идиотский разрисованный горшок, в который даже цветы нельзя было ставить. А еще эта... говорит, что у нее аллергия на шерсть.

– «Эта» – это твоя приемная мать? Между прочим, у нее есть имя.

– У Муха тоже есть имя.

– Не спорю. Но это не делает его человеком, правда?

– А «эту» делает?

Женщина-инспектор нахмурилась:

– Ну, знаешь, иногда приходится чем-то жертвовать ради желанной цели.

– Правда?

– Да.

– Значит, для того чтобы я стал чьим-то сыном, надо убить Муха?

– Почему же сразу убить?

– Потому что без меня он помрет. У него мать – чихуа-хуа, он маленький и уже не вырастет, другие псы сразу же его разорвут.

Алла Львовна пожала плечами:

– Ну, не знаю! По-моему, ты усугубляешь. Наверняка приемные родители предлагали тебе и другие варианты. Ведь так?

– Так, – ответил мальчик. – Они сказали, что можно усыпить Муха в ветеринарной клинике, он даже ничего не почувствует. Ему не будет больно, даже будет приятно. Он просто уснет, и все.

– И что ты ответил?

– Что их самих тоже можно усыпить в ветеринарной клинике, раз это так приятно.

Женщина-инспектор едва удержалась от улыбки. Задумчиво потерев пальцем висок, она проговорила:

– Н-да... Пожалуй, у твоих новых родителей и впрямь не сложились отношения с собаками. Но это ничего не меняет. У тебя теперь есть новый дом, и ты должен в него вернуться. А что касается собаки... – Она пожала плечами. – Когда твои родители приедут, я могу поговорить с ними об этом. Уверена, что они не такие чудовища, как ты думаешь, и все поймут.

Максим хмыкнул:

– Да ну?

– Ты уж мне поверь. Взрослые люди умеют идти на компромиссы, когда дело касается важных вещей.

Мальчик отвернулся и стал смотреть в окно. Дежурный весело произнес:

– Смешной у тебя песик. Он не кусается?

– Кусается, – пробурчал Максим, глянув на него из-под насупленных бровей.

– А с виду добрый, – сказала Алла Львовна.

Максим повернулся к ней:

– Внешность обманчива, дамочка. В любом домашнем звере спит его дикий предок. Попробуете его тронуть – останетесь без руки.

Алла Львовна чуть прищурила светлые глаза.

– Почему ты называешь меня дамочкой? – спросила она спокойно.

– А как надо? «Дядечка»?

Несколько секунд женщина-инспектор молчала, а потом вдруг засмеялась.

– А ты ершистый! И смешной!

– На жизнь этим не зарабатываю, – отрезал Максим.

– А мог бы, если бы захотел. Ну-ну, не хмурься, я шучу.

– Странные у вас шутки.

– Уж какие есть. А вообще – не хами мне. Я тебе в матери гожусь.

Максим хмыкнул:

– Я бы сказал – в бабушки.

– Ну, пусть так, – смирилась Алла Львовна. – Слушай, а ты хочешь есть?

– Ну, допустим.

– Я тоже. Пойду, сделаю нам горячие бутерброды. Ты какие любишь – с сыром или с колбасой?

– С сыром, – сказал Максим. – И с колбасой.

Алла Львовна улыбнулась:

– Отличный выбор. Я быстро!

Она поднялась из-за стола. Уже у двери сказала, обращаясь к дежурному полицейскому:

– Сереж, присмотри за этим путешественником, ладно?

– Само собой, – отозвался тот.

Как только дверь за женщиной-инспектором закрылась, у дежурного зазвонил телефон. Он взял трубку, прижал ее к уху и сказал:

– Лейтенант Скворцов слушает. – Несколько секунд он молчал, затем сказал: – Есть, товарищ майор. Сейчас принесу.

Положив трубку, дежурный посмотрел на Максима.

– Слушай, братишка, – сказал он, – мне нужно уйти на пару минут. Ты не обижайся, но я должен буду запереть тебя, чтобы ты не сбежал.

– Запереть? – удивился Максим. – Где?

Полицейский кивнул в сторону обезьянника.

– В клетке? – поднял брови Максим.

– Это не клетка. Это изолятор временного содержания. И потом, ты просидишь там всего минуту или две. Мне надо отнести бумаги.

Мальчик криво усмехнулся:

– Что на это скажет опекунский совет?

– Если узнают, то по головке не погладят, это точно. Но... – Дежурный чуть прищурился. – ...Ты ведь не стукач, правда?

– Правда, – согласился Максим. – Но я ведь могу сбежать.

– Это вряд ли. Должен тебя разочаровать, братишка, но этот замок ни шпилькой, ни пластиковой карточкой не откроешь. Вставай-ка да собачку не забудь!

Максим нехотя поднялся со стула и прошагал в зарешеченный обезьянник. Дежурный закрыл дверь на ключ, швырнул его на стол и сказал:

– Не скучай, братишка, я скоро!

Парень вышел из комнаты. Максим подергал прутья решетки, вздохнул и посмотрел на собаку.

– Ну, что, Мух, – грустно проговорил он, – теперь мы с тобой бандиты.

Пес заскулил у мальчика на руках, вытянул морду и лизнул его в щеку.

– Ладно, не огорчайся. – Мальчик снова вздохнул и доверительно сообщил псу: – Самое страшное начнется потом, когда нас отсюда заберут. Не хочу тебя пугать, Мух, но мои новые родители ни за что не согласятся тебя приютить.

Пес склонил голову набок и грустно заскулил, будто и впрямь понял, о чем говорит его маленький хозяин. Мальчик несколько секунд стоял, задумчиво нахмутив брови, а затем резко встал со стула:

– Нам надо отсюда выбираться, Мух!

Пес спрыгнул на пол и воодушевленно тявкнул, выражая готовность следовать указаниям своего хозяина.

Мальчик вновь взял пса на руки, посмотрел в его черные глаза-бусинки и серьезно проговорил:

– Мух, ты должен мне помочь. Ты готов?

Пес снова тявкнул, а потом лизнул мальчика в нос. Максим засмеялся и вытер нос рукой.

– Ну, ты и лизун, Мух! А теперь соберись и слушай меня внимательно. Ты маленький пес, ты легко пролезешь между прутьями решетки. Вот что тебе нужно сделать...

* * *

Алла Львовна шла по коридору, держа в руке тарелочку с двумя горячими бутербродами, когда увидела странного человека.

Это был долговязый мужчина в длинном сером пальто. Воротник пальто был поднят. Лицо у него было худое, морщинистое, взгляд неприятный. Непонятно почему, но в сердце

Аллы Львовны звучал сигнал тревоги. Незнакомец задумчиво смотрел на дверь одного из кабинетов.

«Может быть, ему нужен туалет?» – подумала Алла Львовна. Природная душевность требовала оказать человеку помощь, даже когда он был неприятен Алле Львовне. Она остановилась в паре шагов от незнакомца и громко спросила:

– Я могу вам помочь?

Мужчина взглянул на нее своими недобрыми задумчивыми глазами, разлепил узкие губы и отчетливо проговорил:

– Да, можете. Мне нужен мальчик, которого зовут Максим Быстров.

– Максим? – Женщина-инспектор окинула незнакомца подозрительным взглядом. – А вы ему, простите, кто?

Мужчина чуть прищурился и ответил своим отчетливым резким голосом:

– Я... брат его отца.

– Брат отца?

– Да.

– Вы говорите про приемного отца? – растерянно уточнила Алла Львовна.

Незнакомец натянуто улыбнулся и сказал:

– Совершенно верно.

В манерах мужчины было что-то неприятное и неестественное. В душе у Аллы Львовны снова заворочались смутные подозрения.

– Вот как? – сказала она. – И что же вам нужно, брат отца?

Мужчина посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Отец... То есть приемный отец Максима просил кое-что ему передать.

– Что именно передать?

Мужчина сухо улыбнулся:

– Это личное.

Алла Львовна поймала себя на том, что лицо незнакомца кажется ей не столько неприятным, а странным. Пожалуй, все дело было в морщинах. Судя по осанке, глазам и повадкам, этого человека определенно нельзя было назвать стариком. Но лицо его было покрыто глубокими бороздами. Это-то несоответствие и придавало внешности мужчины какую-то отталкивающую и даже пугающую противоестественность.

– Боюсь, вам придется дождаться приемных родителей Максима, – сказала женщина-инспектор.

– Но мне нужно срочно его увидеть, – с нажимом проговорил незнакомец в пальто.

Алла Львовна медленно покачала головой:

– Видите ли, пока за мальчиком не приехали родители, я несу за него полную ответственность. И я не хочу...

«Непредвиденных осложнений», – хотела договорить она и даже, кажется, договорила, потому что эти два слова гулким набатом прозвучали у нее в голове. А потом реальный мир прекратил свое существование, беззвучно раскололся и рассыпался на куски, и за осыпавшимися осколками обнаружилась черная бездонная пустота.

Мужчина в сером пальто подхватил женщину-инспектора на руки и аккуратно уложил на пол, затем перешагнул через нее, хрустнув осколком разбившейся тарелки, и двинулся дальше по коридору, но тут из-за угла вывернул молодой полицейский.

Парень шел, держа перед глазами какой-то документ и пробегая взглядом строчки, поэтому не сразу заметив лежащую на полу женщину и незнакомца в сером пальто. А когда заметил, произошло что-то невероятное: неведомая сила крутанула его вокруг собственной

оси и швырнула лицом на стену. Ударившись об угол, полицейский рухнул на пол, и листок, выпущенный из пальцев в момент падения, медленно спланировал на его окровавленный лоб.

Мужчина в сером пальто несколько секунд стоял неподвижно, словно приносящаяся к чему-то, затем тряхнул головой и двинулся дальше. Походка его стала уверенней, теперь он точно знал, в каком направлении идти.

Максим просунул собаку сквозь прутья решетки и осторожно выпустил ее из рук. Мух пробежал несколько шагов вперед, остановился и оглянулся на хозяина.

– Нам нужен ключ! – сказал ему Максим. – Мух, он на столе! На столе, слышишь! Давай, запрыгни на стол!

Пес уткнулся носом в пол и озабоченно забегал по комнате.

– Нет, Мух!

Пес остановился, посмотрел на мальчика и вильнул хвостом.

– На стол, Мух! Прыгай на стол! Прыжок!

И мальчик резко поднял ладонь вверх. Повинуясь команде, пес запрыгнул на стул.

– Молодец! – обрадовался Максим. – Теперь еще раз! Прыжок!

Пес запрыгнул на стол.

– Умница, Мух! Хватай ключ!

Пес подхватил ключ.

– А теперь – дай! Дай, Мух!

Пес спрыгнул на стул, затем – на пол, просеменил по полу до обезьянника и пролез между железными прутьями.

– Молодец! – обрадовался Максим, забрал ключ и ласково потрепал пса по холке.

Просунуть руку с ключом между прутьями и открыть замок не составило труда. Решетчатая дверь со скрипом распахнулась, мальчик и его собака вышли из обезьянника.

Пес тихонько тявкнул и завилял хвостом. Максим улыбнулся:

– Умница, Мух! Я всегда говорил, что ты самый умный пес на свете. И, конечно, ты гораздо умнее моих приемных родителей. А теперь идем!

Он быстрой походкой подошел к двери и взялся за латунную ручку. Но тут мальчик что-то услышал.

– Подожди! – громко шепнул он псу и приник ухом к двери. – Там какой-то шум! Черт... Сюда кто-то идет.

Мальчик подхватил пса на руки и закрыл ему пасть рукой. Пес удивленно посмотрел на мальчика, и тот прошептал виновато:

– Прости, Мух, но мы должны сидеть тихо.

Мальчик с собакой на руках присел за дверью и затаился. Шаги звучали все ближе. Кто-то остановился возле двери. Латунная ручка провернулась, тихонько скрипнули петли, дверь приоткрылась. Стоя на пороге, долговязый человек в сером пальто внимательно осмотрел комнату, перевел взгляд на решетчатую загородку и вгляделся в полумрак изолятора.

Еще несколько секунд он стоял на пороге, затем, не заметив Максима и Муха, сидевших за распахнутой створкой двери, повернулся и пошел прочь. Мальчик дождался, пока шаги утихнут вдалеке, и шепнул псу на ухо:

– Пора!

Максим выпрямился и выглянул в коридор. В конце его он увидел женщину-инспектора и полицейского, лежащих на полу. Он снова отпрянул в комнату, наморщил лоб, обдумывая ситуацию, затем посмотрел на собаку и тихо проговорил:

– Выбираемся в окошко!

5

Маша Любимова взглянула на женщину-инспектора и молодого полицейского, сидевших перед ней. Женщина была бледна, тушь на ее веках размазалась, взгляд был затравленный, испуганный. На лбу у полицейского красовался пластырь, под ним, как знала Маша, находились восемь швов. Держался он молодцом, хотя было видно, что это стоит ему немалых усилий.

Маша перевела взгляд на фотографию, которую держала в руках. На снимке был снят худой, лохматый паренек с мрачным взглядом.

– Значит, вы просто потеряли сознание? – задумчиво проговорила она.

– Да, – отозвалась Алла Львовна. – Отключилась. Как во время наркоза. Мария Александровна, можно у вас спросить?

– Спрашивайте, – кивнула Маша.

– Почему этот мальчик так важен?

Любимова подняла взгляд на собеседницу и ответила:

– Он видел преступника в лицо.

– Этого мужчину в сером пальто?

– Да.

– Но его видели в лицо и я, и Сергей.

– Верно, – согласилась Маша. – Но словесные описания, которые вы дали, в корне отличаются друг от друга. Вы говорили, что мужчина был лысоватый, худой, с темными глазами.

– Ну да.

– А вот лейтенант Скворцов со всей определенностью заявил, что у этого человека были густые русые волосы, щеки – одутловатые, а глаза – светлые до прозрачности.

Женщина-инспектор посмотрела на молодого полицейского. Он пожал плечами и виновато проговорил:

– Мне показалось, что я хорошо его разглядел.

– И все-таки, Сережа, ты ошибся, – веско проговорила женщина-инспектор.

– Он мог ошибиться в деталях, – сказала Любимова. – Но все дело в том, что вы описываете абсолютно разных людей. Сходитесь вы только в одном: этот человек был высокого роста. Ну, и одет он был в серое пальто. Скажите, лейтенант, вы точно помните, что он к вам не прикасался?

– Ну да, – неуверенно ответил молодой полицейский. – Между нами было не менее полутора метров. Он стоял прямо передо мной. А потом меня словно что-то схватило и крутануло... Потом был удар, и я потерял сознание.

Лейтенант Скворцов осторожно потрогал пальцами пластырь, приклеенный ко лбу, и болезненно поморщился.

– Вполне возможно, – вновь заговорила Алла Львовна, – что злоумышленников было двое. Поэтому мы и описали двух разных людей.

– Видеокамеры, перед тем как выйти из строя, зафиксировали только одного человека, – возразила Маша. – Ладно, закончим на этом. Спасибо, что согласились поговорить.

– Не за что, товарищ майор, – уныло отозвался молодой полицейский.

Тени уже стали длинными, в окнах домов загорались светильники. Столбик термометра, прикрепленного к зданию развлекательного центра, расположившегося напротив отделения полиции, опустился ниже минус восемнадцати. Падающий снежок припорошил капот старенького «Ниссана», в котором Толя Волохов, сдвинув брови, крутил ручку настройки приемника, пытаясь поймать «Радио «Шансон».

Дверца автомобиля распахнулась, впуслав холод и стройного сероглазого мужчину в синтепоновой куртке. Едва плюхнувшись на сиденье рядом с Волоховым, он вытянул ноги в тесном пространстве между приборной панелью и сиденьем и передернул озябшими плечами.

– Ты чего? – удивленно спросил его Волохов.

– Ничего, – ответил Стас. – Выруби свой шансон. Или включи что-нибудь более человеческое.

– Мне нравится, – парировал Толя. – А ты чего вернулся? Маша же тебя ждет.

– Она и без меня справится, – не моргнув глазом, заявил Стас. – На улице холодрыга. Пока дойду – околею.

– «Холодрыга», – передразнил Волохов. – Давно пора привыкнуть. В России живешь!

– К холоду нельзя привыкнуть, – веско заявил Стас.

– Точно, – усмехнулся Толя. – Особенно когда разгуливаешь по улицам в тонкой куртке.

Стас снова передернул плечами.

– Слушай, Медведь Балу, у тебя есть что-нибудь пожевать? Говорят, в морозную погоду надо больше есть.

– Только не тебе, – возразил Толя. – Тебя сколько ни корми – ты все равно как глист в скафандре. Стоит ли переводить добро?

Стасик скривился:

– Анатолий, от вашего юмора отдает казармой!

– А твои уши похожи на замороженные «Останкинские» пельмени.

Толя гоготнул. Стас посмотрел на него с сожалением.

– Боже... – обреченно вздохнул он, – с кем приходится работать.

– О, а вон и Маруся идет! – оборвав смех, воскликнул Волохов.

Одна из задних дверок открылась, и в машину забралась Маша Любимова. Она захлопнула дверцу и поехала:

– Бр-р... Ну и мороз. Давно приехали, мальчики?

Толя посмотрел на часы и сказал:

– Минут десять.

– А внутрь почему не зашли?

– Пробовали, – усмехнулся Стас. – Но на улице такой холод, что уши начинают звенеть.

– Лентяи, – сказала Маша и потянулась за сигаретами. Стас повернулся к ней и поторопился:

– Ну? Что они сказали, Маруся?

– Практически ничего полезного. – Маша щелкнула зажигалкой и закурила. Стас, бросивший курить несколько лет назад, втянул дым трепещущими ноздрями и чуть прикрыл глаза. – Описывают его по-разному, – продолжила Маша. – Все сходятся только в том, что он был высокий, худой и пожилой. Выяснить, каким образом видеокамеры были выведены из строя, тоже не удалось. Местные ребята твердят про «какой-то сбой» и чешут затылки. А что нового в конторе? Прогнали запись с банковских видеокамер через компьютер?

– Прогнать-то прогнали, – ответил Стас. – Но толку никакого. Лицо засвечено, черт практически не разобрать. Прямо не человек, а привидение какое-то!

– Привидения не грабят банки, – возразила Маша. – Но этому человеку определенно не откажешь в изобретательности. Сейчас он охотится за Максимом Быстрым. Значит, он уверен в том, что мальчик способен его опознать. Нам нужно добраться до мальчика раньше, чем это удастся ему.

– С этим не поспоришь. Кстати, через полчаса у нас оперативное совещание. Если опоздаем, Старик будет недоволен.

– Тогда чего мы ждем? – приподняла бровь Маша.

Толя воспринял ее слова как руководство к действию и тронул машину с места.

«Стариком» сотрудники уголовного розыска называли своего шефа, полковника Андрея Сергеевича Жука. Внешне он напоминал доброго дедушку, всегда и со всеми был предельно корректен, вежлив и даже, как могло показаться, мягок. И только опера знали, что за внешне-стью доброго дедушки кроется «конструкция из стали и льда» (по меткому выражению Стаса Данилова). А Толя Волохов однажды на полном серьезе заявил, что если в июльский зной подойти к Старiku и подуть ему на глаза – они запотеют.

По дороге в контору Маша поймала себя на том, что снова думает о Глебе Корсаке. Перед глазами у нее стояло его улыбчивое обаятельное лицо.

«– Слушай, Глеб, сколько мы с тобой уже вместе? – услышала она свой голос.

Глеб задумался.

– Года полтора? – предположил он.

– Да, пожалуй. Наверное, даже больше. Боже, как летит время... Совсем скоро я стану совсем старой.

– Ничего, – сверкнул улыбкой Глеб. – Я люблю антиквариат.

– Но я стану слабенькой и немощной. Я не смогу ходить без костылей.

– Не страшно. Я буду носить тебя на руках.

– У меня выпадут все зубы...

– Я куплю тебе вставную челюсть.

– Я буду совсем слепенькая, в таких огромных очках... как у пожилых училок. Я даже не смогу прочесть твой новый роман!

– Я прочту тебе его вслух!

– Ты, я вижу, не сдаешься, – улыбнулась и Маша. – А что ты будешь делать, когда я окончательно высохну и покроюсь морищинами?

Глеб на секунду задумался, затем деловито выдал:

– Что ж, мумии всегда в цене. В Музее Востока мне дадут за тебя хорошие деньги!»

ХВАТИТ ДУМАТЬ ПРО ГЛЕБА! – осадила себя Маша.

Усилием воли она заставила себя выбросить мысли о Глебе из головы. Что бы там ни говорил Толя Волохов, а она поступила правильно. Глеб хороший парень. Да, хороший. Быть может, лучший из всех, кого она встречала в своей жизни! Но Глеб Корсак – игрок и никогда не перестанет им быть. Ему везет в игре? Да. Но однажды фортуна отвернется, и тогда случится беда. Рано или поздно эта капризная дама ото всех отворачивается. Даже от таких парней, как Глеб Корсак.

Никаких слез, никаких сожалений. Ясно?

– Ясно, – сама себе ответила Маша.

«Итак, человек в сером пальто полон решимости найти Максима Быстрова, – развернула она мысли в нужном направлении. – Что же, это сыграет нам на руку. Найдем мальчика – найдем и таинственного «Мистера Икс». Как говорит в подобных случаях Глеб: «Найди кость, а собака объявится сама».

СТОП! ОПЯТЬ ГЛЕБ?!

Маша стиснула зубы.

Хорошо, что они не успели расписаться в ЗАГСе. Решили разойтись – и разошлись. Просто и быстро. Без слез и взаимной нервотрепки. Главное теперь – привыкнуть к мысли, что Глеб – чужой человек, и попытаться воспринимать его просто как старого знакомого. Друга... Приятеля... Господи, да просто журналиста!

– Марусь, о чем задумалась? – услышала она голос Стаса.

– Так, ни о чем, – ответила Маша. – Давайте-ка еще раз проанализируем ситуацию.

6

– Подними кость – и услышишь за спиной собачье рычание, – глухим голосом проговорил Глеб Корсак и швырнул выжатую половинку лимона в мусорное ведро. – К чему это я? – задумчиво пробормотал он. Потом махнул рукой и небрежно обронил: – А, неважно.

Откинувшись на спинку кресла, Глеб сделал большой глоток из стакана с коктейлем, который держал в руке. Водка, тоник, лимонный сок и много-много льда. Что может быть лучше?

В дверь позвонили. Глеб нехотя поднялся, поставил стакан на кофейный столик и зашаркал тапочками в прихожую.

...На пороге стоял фотограф Петя Давыдов, давний и преданный друг Глеба. Невысокий, худощавый, рыжий и кудрявый. В очках в солидной черной оправе на курносом носу. Пуховик, вязаная шапка, на кадыкастой шее – красный платок-бандана.

– П-привет, братское сердце! – по своему обыкновению, чуть заикаясь, проговорил Петя. Глеб отреагировал на его приход довольно кисло.

– Привет и тебе, – сказал он и посторонился, впуская гостя в квартиру. – Заваливайся.

Петя вошел в прихожую, окинул Глеба скептическим взглядом, задержался на его небритом, помятом от бессонницы и алкоголя лице и резюмировал:

– Скверно выглядишь.

– Угу. – Глеб стряхнул с рукава халата крохотное перышко. – Перебрал вчера малость, теперь лечусь. Раздевайся и топай в гостиную, Пьеро. Накапаю лекарства и тебе.

Петя, однако, не двинулся с места. Внимательно вглядевшись в лицо Корсака, он негромко и участливо спросил:

– Как ты?

– Я? – Глеб дернул плечом. – Нормально. А что со мной может случиться?

Петя отвел взгляд, поправил пальцем очки и сказал:

– Я знаю про вас с Машей.

– Что?

– Мне Толя Волохов сказал. – Петя снова посмотрел на Глеба. – Он о тебе беспокоится.

– Ты говорил с Волоховым? – не поверил своим ушам Корсак.

Конопатое лицо Давыдова слегка покраснело.

– Он мне сам п-позвонил. Сказал, что тебе требуется поддержка. Что ты сейчас один и что без д-дружеского участия ты сопьешься.

– Ясно. – Глеб насмешливо прищурился. – Стало быть, ты – моя группа поддержки?

– Ага, – улыбнулся Петя. – Вроде т-того.

– Ну, проходи.

Они расположились в гостиной. Глеб развалился в своем любимом плюшевом кресле, Петя уселся на диван. На столике появился еще один стакан, однако Петя мотнул головой:

– Глеб, я с утра не пью.

– Я тоже, – сказал Корсак и взялся за бутылку.

Давыдов с упреком смотрел на то, как Глеб смешивает коктейль – сперва себе, потом Пете. Выдавив в водку с тоником сок из половинки лимона, Глеб протянул стакан Давыдову:

– Держи.

Тот нехотя взял.

– Значит, Волохов прислал тебя ко мне, – с мрачной ухмылкой проговорил Корсак.

Петя кивнул:

– Угу. – И добавил, как бы извиняясь: – Он хороший м-мужик.

– А я не знал, что вы дружите.

– Мы не дружим. Виделись т-только у тебя на дне рождения. Ты тогда всем объявил, что я твой лучший друг. Вот он и запомнил.

– Ясно. – Глеб отпил из своего стакана, облизнул губы и сказал: – Ну? И как ты собираешься меня развлекать?

Давыдов пожал плечами:

– Пока не знаю. Хочешь, сыграем в шахматы?

Глеб сдвинул брови и чуть прищурился.

«Вот оно, значит, как, – думал он, глядя на Петю с мрачной иронией. – Друзья проявляют обо мне заботу. Как это трогательно! Прямо слезы на глаза наворачиваются!»

И все же он был рад видеть Петю Давыдова. В самом деле рад.

Корсак и Давыдов дружили еще со студенческой скамьи. В ту далекую пору оба учились на факультете искусствоведения и одно время даже делили комнату в общежитии, пока «коммерческие дела» Глеба не пошли вверх и он не снял себе квартиру.

Петя Давыдов после окончания университета некоторое время преподавал, но потом бросил это безнадежное (главным образом, по причине заикания) занятие и посвятил себя любимому делу – фотоискусству, став довольно востребованным «глянцевым» фотографом.

– Ты чего такой мрачный? – снова заговорил Глеб, вытряхивая сигарету из пачки «Кэмела».

Петя пожал плечами:

– Ну, из нас д-двоих кто-то должен быть м-мрачным.

– Верно. Но я для этой роли больше подхожу, тебе не кажется?

Петя покраснел:

– Да, Глеб. П-прости.

Корсак дернул уголком губ:

– Не напрягайся. Все будет хорошо.

– Да, к-конечно, – поспешно кивнул рыжеволосой головой Петя.

Он отхлебнул коктейль. Потом еще раз. Нехотя отнял стакан от губ и сказал:

– Слушай, Глеб, тут через пару д-дней наши университетские собираются.

– Да, я слышал, – сказал Глеб, выдыхая табачный дым.

– Ты пойдешь?

Он мотнул головой:

– Нет.

– Зря. Наши ребята часто о тебе вспоминают. Особенно после того, как ты издал эту книгу. Кстати, как идут п-продажи?

– Нормально идут, – сказал Глеб.

– Да, она вроде бы стала б-бестселлером. Поздравляю!

Глеб пожал плечами, допил коктейль и снова потянулся за бутылкой.

– Брат, это ты зря, – веско произнес Петя. – Спиртное тут не п-поможет.

– Да ну?

– Т-точно тебе говорю.

– А что поможет?

– Дружеская б-беседа.

Глеб свинтил с бутылки крышку и усмехнулся:

– Ты сам-то в это веришь?

Петя поправил пальцем очки.

– Вообще-то не очень, – признался он. – Но попробовать-то стоит? Как д-думаешь?

– Думаю, что ты прав. Но какая беседа без бутылки? Давай допивай коктейль, я тебе смешаю новый.

– Напиваться тебе сейчас нельзя, – сказал Петя. – Это будет п-проявлением слабости.

- А по-твоему, человек всегда и в любых обстоятельствах должен быть сильным?
- Если этот человек мужчина, то да, – твердо проговорил Петя.

Глеб посмотрел на него исподлобья и усмехнулся.

Внешность Пети была обманчива и многих сбивала с толку. В трезвом виде Давыдов выглядел таким же безобидным интеллигентом, как Шурик в «Кавказской пленнице». Но стоило «безобидному интеллигенту» выпить рюмку-другую текилы, и он превращался в храброго и безбашенного рыцаря. В подвыпившем состоянии Петя грудью стоял за справедливость и готов был незамедлительно ринуться в бой, если видел, что кого-то обижают или унижают.

– Ты, Глеб, главное, не сдавайся, – сказал Петя, глядя Корсаку в глаза сквозь круглые стеклышки очков. – Мужчина д-должен быть сильным. Он должен быть воином.

– Воином я бы себя не назвал, – с усмешкой произнес Глеб. – Единственная война, которую я веду, – это война с трезвостью. За твои красивые глаза!

Глеб отсалютовал другу стаканом и в два глотка выпил коктейль.

– Чем ты намерен сегодня з-заняться? – поинтересовался Давыдов.

– Отдам свое молодое тело на поругание падшим женщинам, – ответил Глеб. – Ну или просто напьюсь вдрабадан. А что? Хочешь поддержать?

Петя нахмурился:

– Это глупо, Глеб. Это не п-поможет. Знаешь, что тебе нужно сделать?

– Что?

Петя посмотрел Глебу в глаза, улыбнулся и мягко проговорил:

– Тебе нужно п-поплакать.

– Что? – Корсак изумленно поднял брови. – Ты рехнулся?

Давыдов замотал головой:

– Нет! Слезы – это пот б-большого духа!

– Потей сам, если тебе так хочется, – отрезал Глеб. – А у меня есть метод понадежнее.

Он допил коктейль и снова взялся за бутылку. Петя посмотрел на это, нахмурился и сказал:

– Кажется, я здесь т-третий лишний.

Глеб улыбнулся, погладил бутылку по покатому боку и нежно проговорил, обращаясь к ней:

– Не слушай его, детка, он нам просто завидует. О черт, совсем забыл! – встрепенулся вдруг Корсак и посмотрел на часы. – С минуты на минуту ко мне приедут гости. Если ты останешься, тебя ждет неплохое развлечение! Совсем как в студенческие времена.

– Какие еще г-гости?

– Веселые и симпатичные. По крайней мере я на это надеюсь. Оставайся, Пьеро. – Глеб достал из кармана халата толстую пачку долларов и тряхнул ею перед лицом Давыдова: – Поку-тим!

Петя помрачнел еще больше.

– Значит, это п-правда, – констатировал он, глядя на деньги. – Ты снова стал играть?

– Угу. И не просто играть, а выигрывать.

Корсак сунул деньги в карман.

– Глеб, это п-плохо, – с упреком проговорил Петя.

– Что плохо? – не понял Глеб. – Выигрывать?

– Играть. Маша бы этого не одобрила. Вспомни, ты ведь ей обещал.

На скулах Глеба дернулись желваки.

– Мы с Машей разошлись, – сухо проговорил он. – А значит, все мои обещания аннули-руются.

В прихожей запиликал звонок домофона.

– О, а вот и гости пожаловали! Пойду открою! – Глеб поднялся с кресла, но Петя вскочил с дивана и преградил ему путь.

– Я тебя не п-пущу, – заявил он.

Глеб посмотрел на друга снисходительным взглядом:

– Петь, не валяй дурака. Отойди.

– Нет, – твердо сказал Давыдов.

Глеб нахмурился.

– Ты мне надоел, – сказал он.

Петя слегка побледнел.

– Напрасно стараешься, – сказал он все тем же твердым голосом. – Я все равно тебя не п-пущу.

– Или ты уйдешь с дороги, – сказал Глеб, – или я спущу тебя с лестницы вперед головой.

– Ты хочешь д-драться? Ладно!

Давыдов снял очки, сложил их и сунул в карман замшевого пиджака. Затем вскинул кулаки к лицу, приняв боксерскую стойку, и пафосно продекламировал:

– «Сбит с ног – сражайся на коленях, идти не можешь – леж насту пай!»

Глеб сдвинул брови и спокойно произнес:

– Петь, не дури.

– «Гектора мы поразим, ненасытного боем героя!» – снова продекламировал Давыдов.

Карие глаза Корсака сузились.

– Петь, я тебя по-хорошему прошу – уйди с дороги.

– А я т-тебе по-хорошему говорю: завязывай с игрой. Добром это не кончится.

– Уйди с дороги!

– Нет!

Глеб двинулся на Давыдова, но тот слегка отвел назад правое плечо, а затем двинул Корсака кулаком в грудь. Глеб остановился, изумленно глядя на друга.

– Ты меня ударил?

– И ударю еще, если не п-послушаешься, – объявил Давыдов.

Глеб чуть прищурил темные, недобрые глаза.

– Ну, давай, – холодно проговорил он. – Рискни здоровьем.

И снова пошел на Давыдова. Тот, резко выбросив вперед правый кулак, двинул Глеба в челюсть. Будучи завсегдатаем московских баров, Петя Давыдов был неплохим бойцом и однажды не побоялся выступить против целой банды отморожков¹, однако с Глебом ему было не совладать. Корсак перехватил руку Пети и въехал ему кулаком под дых.

Петя согнулся пополам, покачнулся и рухнул на пол.

– Ах ты... гад, – прохрипел он с пола.

– Сам напросился.

– Сволочь...

– Знаю, – сказал Глеб и протянул Давыдову руку. – Хватайся за руку, Тайсон хренов.

Петя проигнорировал его руку и встал сам. Отдышался, морщась от боли в животе и мрачно поглядывая на Глеба, а потом сказал:

– Черт с тобой. Хочешь пропадать – п-пропадай.

У Глеба в кармане халата зазвонил телефон. Он достал трубку, взглянул на дисплей и сказал с усмешкой:

– О, девочки волнуются. Петрусь, мое предложение в силе. Оставайся – развлечемся.

– Пошел ты.

Не глядя на Корсака, Петя обулся, накинул пуховик и натянул на голову вязаную шапку.

---

¹ См. роман Евгении и Антона Грановских «Последняя загадка парфюмера».

– Совсем забыл. – Петя достал из внутреннего кармана пиджака сложенную в несколько раз газету и швырнул ее на консольный столик. – Это т-тебе.

Корсак взглянул на газету и спросил:

– Что там?

– То, что в-вернет тебя к жизни. Хотя... надо ли тебе это?

Петя повернулся и, не прощаясь, вышел из квартиры.

Глеб задумчиво посмотрел на закрывшуюся дверь и тихо проговорил:

– Н-да...

Потом взглянул на газету и протянул к ней руку, но в эту секунду мобильник снова зазвонил.

– Да, золотце. Да, уже открываю.

7

Шатенка отпила из своего бокала, облизнула ярко накрашенные губы и провела ладонью по волосам Глеба:

– Глебчик, ты такой милый!

– Я пьяный, а не милый, – отозвался он и тоже приложился к своему стакану.

Вторая девушка, блондинка с большой грудью и осиной талией, гуляла по комнате, разглядывая диковинные вещи, которых в квартире Глеба было в избытке. Остановившись перед плакеткой с репродукцией картины «Медуза», она заинтересованно спросила:

– А это что за картинка?

– «Медуза горгона», – отозвался с дивана Глеб, наслаждаясь коктейлем и обществом нежной шатенки. – Караваджо.

– Чего?

– Микеланджело да Караваджо. Итальянский художник.

– А я знаю про Медуза горгону, – ластясь к Глебу, заговорила шатенка. – Это было в какой-то сказке... – Шатенка наморщила лобик, припоминая. – Кажется, она убивала людей взглядом. Правильно?

– Правильно, – ответил Глеб. – Был только один способ уберечься от горгоны – не смотреть ей в глаза. Иначе – верная смерть.

Блондинка вновь посмотрела на картину.

– А здорово нарисовал, – похвалила она. – Страшненько так.

– Еще бы, – отозвался Глеб и чуть заметно усмехнулся. – Этот парень хорошо знал, что такое зло. Как-то вечером он подкараулил одного своего недруга на рыночной площади, а когда тот проходил мимо, выскочил из засады и ткнул его шпагой в голову.

– Фу, как подло, – поморщилась блондинка.

А шатенка уточнила:

– Убил?

– Да, – сказал Глеб. – Но есть мнение, что таким людям, как Караваджо, на том свете многое простится. Даже убийство.

– Почему?

– Потому что своей работой они оправдывают наше никчемное существование.

Девушки переглянулись. Шатенка потерлась о плечо Глеба нежной щечкой и проворковала – ласково и иронично:

– Глебчик, хватит давить на нас интеллектом.

– Да, прости. – Корсак улыбнулся. – Больше не буду. Давай-ка я тебе еще налью!

Он подлил девушке шампанского. Она отпила, фыркнула от газа, ударившего в нос, и весело спросила:

– Глеб, а ты знаешь какие-нибудь стихи?

– Угу, – отозвался тот.

– Прочитай, а? Только чтобы про любовь.

– Про любовь? – Корсак усмехнулся. – Нет проблем. Слушай!

Вы лежали в гамаке
С сигаретою в руке
И невольно искривляли
Тело где-то в позвонке.

Я хотел бы быть рекой,

Гладить вас своей рукой,
Гладить волосы и тело —
Вот я ласковый какой.

Я хотел быть ветерком,
Я хотел быть мотыльком...
Только на фиг вы мне сдались
С искривленным позвонком?

Шатенка рассмеялась:

– Класс!

Блондинка тоже фыркнула от смеха, но тут ее внимание привлекла перевернутая рамка, лежащая на полке.

– А это что за фотка? – спросила она. Не дожидаясь ответа, она подняла фоторамку и взглянула на снимок. – Это твоя жена?

– Нет, – сказал Глеб и отхлебнул из стакана.

– А кто?

– Женщина, которой я подарил свое сердце и которая вернула мне его в разбитом, но аккуратно склеенном виде.

Девушка фыркнула, покосилась на Глеба и проговорила:

– Надо же – бросить такого роскошного парня.

– Сам удивляюсь. – Глеб улыбнулся. – Наверное, ее не привлекает роскошь. Она из тех, кто довольствуется предметами первой необходимости. А теперь верни фотографию на место, милая.

– Положить ее лицом вниз?

– Да. Так она меньше пылится.

Блондинка хмыкнула, но не спешила выполнить указанное. Она с любопытством вгляделась в портрет:

– А она хорошенькая, хотя и не первой свежести. Сколько ей? Лет тридцать пять? Снежанка, посмотри – хорошенькая ведь?

Блондинка показала фотографию шатенке. Та подняла голову с плеча Глеба, продолжая поглаживать его ладонью по груди, взглянула на снимок и улыбнулась:

– Слишком серьезная. И прическу надо другую. Ей бы мелирование подошло. «Мажимеш» или «Баляж».

– Да ладно тебе, Снежанка, ей и так хорошо. Она на какую-то актрису похожа. Из советского кино... Что-то там «тра-ля-ля... инженера Гарина», я в детстве смотрела.

– А, я помню, – кивнула шатенка. – Она играла подружку этого Гарина. Такая беленькая была, с темными глазами. Фамилию только забыла.

– Налюбовалась? – спокойно поинтересовался у блондинки Глеб. – А теперь будь хорошей девочкой и верни «подружку Гарина» на полку. Я серьезно, Люся, положи фотографию туда, где она лежала.

– Я не Люся, – сказала блондинка. – Я Лия.

– Да без разницы.

Девушка поставила фотографию на полку и аккуратно повернула ее пальцем к Глебу. Он сдвинул брови и качнул головой:

– Нет, не так. Переверни, как было.

– Как скажешь.

Она улыбнулась и как бы невзначай толкнула рамку пальцем. Кувыркнувшись в воздухе, стеклянная рамка со звоном упала на паркет.

– Упс! – воскликнула блондинка, подняла на Глеба взгляд и виновато проговорила: – Прости, милый, я нечаянно.

Корсак вскочил с дивана – так резко, что шатенка испуганно захлопала глазами. Глеб несколько секунд стоял неподвижно, глядя на блондинку таким взглядом, что она побледнела и невольно попятилась, затем сунул руку в карман халата.

Девушки испуганно уставились на него.

– Ты чего, Глебчик? – севшим голосом пробормотала шатенка.

Корсак достал из кармана пачку стодолларовых купюр и протянул блондинке:

– Это вам со Снежаной на такси.

Она посмотрела на деньги, снова на Глеба, сдвинула брови и возмущенно произнесла:

– Ты что, нас прогоняешь?

– Угадала.

Глеб продолжал держать деньги. Блондинка еще пару секунд колебалась, а затем выхватила деньги из пальцев Глеба и презрительно проговорила:

– Дурак! Мы бы тебе такую ночь устроили!

– Знаю. Попытаюсь это пережить.

Блондинка кинула взгляд на подругу:

– Пошли, Снежанка!

Шатенка молчал поднялась с дивана. Вид у нее был растерянный.

Глеб стоял неподвижно, глядя на осколки стекла, разбросанные на полу. Через минуту из прихожей донесся презрительный возглас:

– Дурак!

– И не лечишься! – добавил второй.

– К сексологу сходи, извращенец!

Входная дверь с грохотом захлопнулась. Глеб вздрогнул, вышел из оцепенения, нагнулся, поднял разбитую рамку и поставил ее на полку. Посмотрел на помятую фотографию Маши Любимовой и мрачно произнес:

– Вот так, значит, да? Нигде мне не укрыться от твоего укоризненного взгляда? Отлично. Превосходно! Думаешь, я вернусь к тебе с виноватым видом и начну вилять хвостом?

Глеб сгреб фотографию с полки, прошел к письменному столу, открыл верхний ящик, швырнул ее туда и снова закрыл.

– Вот так, – резюмировал он.

Отправив фотографию в ссылку, Глеб некоторое время стоял возле стола с задумчивым видом, словно о чем-то забыл – о чем-то таком, что обязательно нужно было вспомнить. Потом прошел в прихожую и взял с консольного столика газету, оставленную Петей Давыдовым.

Он вернулся с ней в гостиную, уселся в кресло и пробежал взглядом по заголовкам.

– Ну? И что тут у нас за новости?.. Доллар вырос, евро упал... Ожидаемо. Что дальше? Президент России отчитался о своих доходах. Молодец, люблю честных парней! Что еще?.. Ну же, мир, давай, удиви меня!.. Тэк-с... «МИД России не советует россиянам ездить в Грузию...» Грустно. «Киндзмараули» и «Саперави», верные спутники моей боевой юности, где вы теперь? «Актер Мэл Гибсон угрожает своей жене расправой...» Мерзавец, негодяй. Но в чем-то я его понимаю. Что еще?.. «У Криштиану Роналду украли бутсы...» «Семья Версаче решила продать треть акций модного дома...» И этим ты живешь, мир? Поддай парку! «Автопром оказался на пороге глобального кризиса». Вот это уже ближе к делу, это уже пахнет апокалипсисом! Что еще?

Глеб перевернул страницу, пробежал взглядом по заголовкам, поморщился, как от зубной боли, и хотел отложить газету, но вдруг заметил, что одна из заметок обведена синим маркером. К заметке прилагался снимок. На нем была изображена (впрочем, весьма нечетко, поскольку снимок был сделан издалека) лежащая на снегу женщина. Вокруг нее суетились

какие-то люди. Рядом с первым снимком был помещен еще один; на нем было изображено лицо мертвой молодой женщины с зияющей дырой вместо левого глаза. Под уцелевшим правым глазом что-то поблескивало, отражая лучи солнца.

Газетная заметка называлась «Стеклянные слезы» и повествовала о трупe молодой женщины, найденном неподалеку от Дмитровского шоссе.

Глеб углубился в чтение. И чем дальше он читал, тем сильнее билось его сердце.

«Как стало известно из компетентных источников, свидетели утверждают, что видели рядом с местом преступления мужчину в красной зимней куртке».

Глеб прочел заметку до конца, потом снова принялся разглядывать фотографии. И чем дольше он смотрел, тем мрачнее делалось его лицо, но ярче разгорались глаза.

Наконец он отложил газету и поднялся с кресла. Постоял несколько секунд, осматривая стеллажи с книгами и что-то припоминая, затем повернулся к письменному столу, быстро прошел к нему, присел, выдвинул нижний ящик и принялся в нем рыться, перебирая бумаги и тетради и тихонько чертыхаясь.

Искал он довольно долго и наконец вынул из ящика помятую бумажную папку, из которой торчали такие же помятые листы, и взгромоздил ее на стол. На желтоватой обложке большими черными буквами было начертано:

«МАНЬЯКИ»

(рабочие материалы)

Следующие минут пять Глеб был занят тем, что, позабыв про коктейль, увлеченно листал страницы, просматривая записи и фотографии. Но вот на щеках у него заиграл румянец, и, держа в руке вынутую пожелтевшую фотографию, Корсак закрыл папку и отодвинул ее в сторону.

Фотография была черно-белая, изрядно потертая. На ней было изображено юное девичье лицо, запрокинутое вверх. На месте левого глаза темнело безобразное пятно. Под правым – сверкали маленькие кусочки стекла, врезавшиеся в кожу щеки и напоминающие замерзшую дорожку слез.

Глеб взял в руки газету и сравнил старый снимок с фотографией, размещенной в ней. Потом взял со стола телефон, набрал номер, дождался ответа и сказал в трубку:

– Алло, Витя, привет! Это Глеб Корсак. Да-да, не прошло и десяти лет. – Корсак хрипло засмеялся, собеседник, видимо, тоже ответил ему смехом. – Слушай, дружище, можешь для меня кое-что узнать?.. Нет, ничего особенного. Просто кое-какие детали, касающиеся одного убийства... Брось, Витя. Если ты не всесилен, то кто тогда всесилен?

Нечаянно Глеб нажал на кнопку громкой связи, и голос собеседника вырвался из динамика:

– Ох, Глеб, мастер ты возливать бальзам на раны!

Вздрогнув от неожиданности, Корсак отодвинул трубку от уха и машинально проговорил:

– Елей.

– Что?

– Елей, а не бальзам. «Свой чудесный елей нам на раны излей...» Классика.

– Ладно, как скажешь. Так что там тебе нужно узнать?

Глеб положил трубку на стол и сказал, потянувшись за сигаретами:

– Я прочел в газете об убитой девушке, тело которой нашли на Дмитровском шоссе.

– А, ты про это! И что ты хочешь знать? По-моему, журналисты постарались на славу – расписали все, как есть.

– Оружие убийства действительно не нашли?

– Раз пишут «не нашли», значит, не нашли. Говорю тебе, Глеб, ты не...

– Подожди, Витя. – Глеб закурил и выдохнул вместе с дымом: – Нужно выяснить один момент, о котором в газете ничего не сказано.

– Что за момент?

– Разузнай, пожалуйста, не было ли в ране девушки частиц хлора?

– Хлора? Я не ослышался?

– Нет, ты не ослышался. Именно хлора.

– Гм... Странное предположение.

– Так ты можешь это узнать или нет?

– Ну... я могу попробовать.

– Отлично!

– Но это обойдется тебе недешево.

Глеб посмотрел на ящик стола, забитый выигранными деньгами, усмехнулся и сказал:

– Цена не имеет значения.

– Вот как? – Собеседник присвистнул. – Ты что, получил наследство от американской бабушки?

– Что-то вроде того. Сколько времени тебе понадобится?

– Не знаю. У меня сейчас много дел...

– Сможешь заняться этим прямо сейчас?

– Глеб...

– Пять сотен.

Возникла пауза. А затем собеседник Глеба осторожно уточнил:

– Рублей?

– Если хочешь – можно и рублей, – ответил Корсак. – Но, вообще-то, я имел в виду доллары.

– Хорошо живешь, Глеб... Лады, я займусь этим прямо сейчас. Как только что-нибудь выясню – перезвоню тебе.

– Заметано. Спасибо за помощь, Витя.

– Не за что. Обращайся!

Глеб отключил связь, взял стакан, залпом выпил и снова потянулся за бутылкой.

* * *

Несмотря на весь свой энтузиазм, Глеб не смог побороть искушение и, выпив стакан коктейля, решил выпить еще один. Поглощая напиток, он все время смотрел на ящик стола, в котором запер фотографию Маши Любимовой.

– Пью за твой здоровье, – приговаривал он. – И за здоровье твоего нового мужчины, которого ты скоро найдешь. Найдешь... Потому что не можешь не найти. Вокруг таких женщин, как ты, мужчины роятся, как пчелы... Именно поэтому ты и не ценишь мужчин. То есть... – Он усмехнулся. – Возможно, ты не ценишь конкретно меня. Что же, в таком случае – желаю тебе удачи!

Глеб отсалютовал столу стаканом, допил остатки коктейля и вдруг вспылел, размахнулся, чтобы запустить стаканом в стол, но сделать этого не успел – зазвонил мобильный телефон.

Глеб поставил стакан и взял со стола трубку.

– Алло, Глеб, это Виктор, – услышал он голос приятеля.

– Да, Вить, ты у меня определился. Какие новости?

- Ты готов слушать?
- Да, я в твоём полном распоряжении.
- Ну, тогда слушай...

Глеб выслушал все, что сказал ему приятель, поблагодарил и отключил связь.

Некоторое время после этого он сидел неподвижно, размышляя о чем-то, затем потянулся за бутылкой и следующие две минуты был занят тем, что смешивал новый коктейль. Лед в вазочке растаял, но идти за новой порцией на кухню не хотелось. Пришлось пить безо льда.

После второго стакана Глеб вспомнил, что надо копать дальше. Он взял со стола газету с обведенной статьей, посмотрел на номера телефонов, указанные в конце статьи, взял аппарат и набрал один из них.

– Здравствуйте!.. – сказал он, когда на том конце откликнулись. – Кто у вас занимается делом убитой девушки?.. Да, простите, я забыл, что в Москве девушек убивают ежедневно, а порой и ежечасно. Я говорю про Анну Смолину... Нет, я не ее родственник. Имя? Глеб Корсак. Да, Корсак, с ударением на первом слоге... Я звоню, потому что в газете написано, что каждый, кто располагает какой-либо информацией, должен позвонить по номеру, указанному в газете. Вот я и звоню. Что?.. Да, черт возьми, я располагаю информацией! Соедините меня с вашими операми, пока я склонен к беседе! И имейте в виду: как только коктейль в моем стакане закончится, я брошу трубку!.. Нет, я не пьян. Но я выпил. Выпил, чтобы набраться решимости для звонка. Вы соедините меня с вашими операми или нет?.. Жду!

В трубке завыл Григорий Лепс, и Глебу пришлось прослушать почти полкуплета песни, прежде чем музыка оборвалась и строгий женский голос произнес:

- Капитан Твердохлебова слушает.
- Рад, что хоть кто-то меня сегодня слушает.
- Кто вы?
- Я? Представитель власти. То есть – четвертой власти.
- Вы журналист?
- Да.
- До свидания.
- Стойте! Не вешайте трубку. Я звоню вам не как журналист, а как гражданин.
- И что вы хотите сообщить, гражданин?
- У меня есть информация касательно убийства Анны Смолиной. Вернее – касательно того, кто мог это сделать.
- И кто же?
- Вы что, правда думаете, что я буду рассказывать об этом по телефону? Я хотел бы встретиться с вами.

На том конце повисла пауза.

- Алло, – проговорил Глеб в трубку. – Капитан... как вас там... Черствохлебова!
- Твердохлебова, – отозвался спокойный, холодноватый голос.
- Ну да, и я о том же. Когда мы можем встретиться?
- По-моему, вы сейчас не в том состоянии, чтобы встречаться.
- Хорошо. Тогда я перезвоню вам через час, и мы договоримся о конкретном времени.

Идет?

- Идет. Вы сообщили ваше имя дежурному?
- Да. Но могу повторить его и для вас.
- Будьте так любезны.
- Меня зовут Габриэль Хосе де ла Конкордиа Гарсиа Габо Маркес Третий.
- Красивое имя. А покороче?
- Глеб Корсак.
- Хорошо, перезвоните мне, когда протрезвеете. Всего доброго, гражданин Корсак.

– Алло!.. Алло-о! – Глеб отнял телефон от уха, посмотрел на него хмурым взглядом и растерянно проговорил: – Повесила трубку. Ну что у нас за полиция такая, а? Ладно.

Он швырнул мобильник на стол, опустил локти на колени и взъерошил волосы. Посидел так минуту, разомкнул губы и произнес:

– В это трудно поверить, но, кажется, я действительно пьян. Пора приводить себя в порядок.

Он опустил руки и поднялся с дивана. Постоял несколько секунд, приводя тело в равновесие, затем повернулся и двинулся к ванной, тихонько напевая себе под нос:

Я хотел бы быть рекой,
Гладить вас своей рукой,
Гладить волосы и тело —
Вот я ласковый какой...

Глава 2

1

День был сухой и холодный. Воздух словно остекленел, и черные очертания деревьев выглядели на его фоне гравюрным оттиском.

– Ну что, Мух? Ты голоден?

Пес посмотрел на Максима преданными глазами и вильнул хвостом. Мальчик вздохнул:

– Знаю, Мух. Я тоже. Будь у меня деньги, я бы купил тебе самую большую котлету в мире! Или полкило сосисок. Мух, ты ведь любишь сосиски?

При упоминании о сосисках пес радостно гавкнул. Максим засмеялся.

– У тебя губа не дура. Знаешь, в детдоме нам давали сосиски только по пятницам. В понедельник были котлеты. Во вторник тефтели. Между нами говоря, это только называется «тефтели», а на самом деле – такая гадость, что ты бы и в рот не взял. Сплошные хлеб и соя. Хотя... – Мальчик вздохнул. – Сейчас бы ты, наверное, слопал их с радостью. Да и я тоже.

Максим посмотрел на двух попрошаек, закутанных в немыслимое тряпье. Они сидели у двери магазина, перед каждым стояла картонная коробка с мелочью.

– Как ты думаешь, Мух, не слишком позорно быть попрошайками? – снова заговорил мальчик.

Пес вильнул хвостом. Максим облизнул губы и проговорил задумчиво:

– В детдоме у нас многие этим занимались. Я тоже пару раз пробовал. Противно было... Хотя деньги получил. Двадцать пять рублей! Вот ты, Мух, знаешь, что можно купить на двадцать пять рублей? Нет? А я тебе скажу. – Максим поднял правую руку и принялся загибать пальцы. – Полбуханки хлеба – раз. Плитку китайской лапши – два. И еще хватило бы на один бульонный кубик.

Он весело посмотрел на собаку:

– И ты думаешь, я все это купил? Как бы не так! Я купил шоколадный батончик! Представляешь, каким дураком я был? Э-эх... Сейчас бы нам с тобой эти двадцать пять рублей, мы бы такой пир закатили! Подожди... – Максим вопросительно посмотрел на Муха. – Но ведь ты, наверное, не любишь хлеб? У нас во дворе детдома жила собака Найда, она ела все подряд. И хлеб, и картошку... Один раз Леха Каморин подсунул ей в хлебе кусок свежего огурца, так она и его смолотила. Тощая была – ужас! Никак не могла отъесться.

Максим засмеялся. Мух, понимая, что хозяин ожидает от него какой-то реакции, пристал на задние лапы и весело тявкнул.

– Ладно, давай попробуем, – все еще посмеиваясь, сказал Максим. – Только сделай морду попроще. И смотри на людей пожалостливее.

Мух снова уселся на землю и, склонив голову набок, посмотрел на мальчика жалостливым взглядом.

– Да, вот так, – одобрил Максим. – И вот еще что. На улице мы стоять не будем – я не хочу, чтобы ты отморозил себе копчик. Пойдем в метро. Там народу полно, кто-нибудь да подаст. Ну, пошли!

Он повернулся и зашагал к подземному переходу с красной буквой «М». Мух вскочил на лапы и потрусил за ним.

К полной неожиданности Максима, подавали в метро хорошо. За полчаса он заработал больше пятидесяти рублей. Пересчитав деньги, Максим потрепал Муха по голове и довольным голосом сообщил:

– Пошло дело! Сегодня вечером устрою тебе пир!

– Ой, какая смешная собачка! – услышал Максим звонкий голос.

Повернув голову, он увидел высокую, худенькую, востроносую и симпатичную девочку лет тринадцати или четырнадцати. Она была одета в старенькую залатанную куртку и вязаную шапочку с торчащими от старости нитками.

Девочка присела на корточки рядом с собакой и улыбнулась.

– Какой ты славный, малыш! Какая это порода? – спросила она у Максима.

Он окинул девочку взглядом с ног до головы и ответил:

– Ирландский дог.

– Шутишь?

Максим покачал головой:

– Нет.

Девочка посмотрела на собаку с сомнением:

– Но доги ведь большие!

– Большие, – согласился Максим. – А Мух – карликовый дог.

– Значит, его зовут Мух?

– Мухтар. А Мух он только для своих.

– Для кого «для своих»?

– Для тех, кто ему нравится.

Песик вытянул шею и лизнул девочку в щеку. Она засмеялась.

– Видел? Я ему нравлюсь! Значит, для меня он тоже Мух!

Прохожий на секунду остановился, посмотрел на Максима, девочку и собаку, нахмурился, возмущенно пожал плечами и зашагал дальше. Максим тоже нахмурился.

– Слушай, – обратился он к девчонке, – шла бы ты отсюда.

– Почему?

– Я здесь вообще-то работаю.

– Кем работаешь?

Максим отвел взгляд.

– Неважно. Просто иди отсюда, и все.

Девочка улыбнулась:

– Я бы ушла, но не могу.

Максим посмотрел на нее удивленно:

– Это еще почему?

Девочка выпрямилась, посмотрела Максиму в глаза и ответила:

– Потому что это мое место.

– Не понял.

– Что тут непонятного? Я стою здесь каждый день с семи утра до восьми вечера. Десять минут назад ушла за лимонадом, возвращаюсь – а тут ты.

Максим наконец все понял.

– Так ты попрошайка? – с легким оттенком презрения проговорил он.

Девочка кивнула:

– Да. Давно, уже семь месяцев. Меня сюда Барон поставил.

– Какой еще Барон?

– Ты что, не знаешь Барона? – удивилась девочка. – Он у нас тут самый главный.

– Где – у вас?

– На сиреновой ветке метро. И на желтой тоже. Это его территория, понимаешь?

Максим все понял. Ну, конечно – разве может такое прибыльное местечко быть без хозяина? Так уж устроен мир: если у тебя появилась возможность подзаработать немного денег, обязательно найдется и тот, кто наложит на твои деньжата свою мохнатую лапу.

Максим вздохнул:

– Ясно. И сколько ты ему платишь?

– Пятьсот рублей в день. А все, что остается, забираю себе.

Максим присвистнул:

– Не хило. Пятьсот рублей в день! Я вижу, у вас в Москве даже попрошайки жируют.

Ладно, становись рядом.

Девочка сдвинула брови:

– Ты что! Так нельзя. Если Барон узнает...

– Да чхать я хотел на твоего Барона!

Девочка посмотрела на него строгим взглядом:

– Ты его не знаешь. С Бароном шутки плохи. Если он тебя здесь застукает – переломает все кости.

Максим хотел возразить, но не стал. Вместо этого он трезво обдумал слова девочки и нашел их резонными. Если метро – такое доходное место, то начальник над ним должен стоять серьезный. Не какая-нибудь шелупонь. Пожалуй, за такие деньжищи не только кости переломать, но и убить могут.

– Слушай, как тебя зовут? – обратился он к девочке.

– Илона, – ответила она. – А тебя?

– Максим. Послушай, Илона, а этому твоему Барону не нужны новые работники?

Девочка пожала острыми плечами:

– Не знаю. Может, и нужны. Он мне не отчитывается. А что?

– Да вот думаю: может, мне с ним договориться?.. Как мне его найти?

– Не знаю. Обычно он сам нас находит.

Максим ненадолго задумался, потом сказал:

– Хорошо. Я пока останусь тут. Постояю рядом с тобой.

Девочка округлила глаза:

– Ты что! Если Барон тебя тут увидит...

– Я и хочу, чтобы он меня увидел, – сказал Максим. – Я буду здесь стоять, пока он не придет.

Илона посмотрела на него задумчивым взглядом, но ничего не сказала. Да и что она могла сказать?

* * *

Примерно через полтора часа, когда Илона убежала покупать для Максима бутерброд, возле коробки с деньгами остановился огромный черноволосый парень в синей куртке-алюске и теплой бейсболке. Он взглянул на Муха, усмехнулся и проговорил:

– Хороший кобелек. Или это сучка?

– Это пес, – сказал Максим, пристально разглядывая верзилу.

– Хороший пес, – похвалил парень, наклонился и погладил Муха.

Затем он взглянул на Максима, продолжая теревить шерсть Муха, и вдруг сказал:

– Это ведь не твое место, малой.

– Знаю, что не мое, – сказал Максим, с любопытством посмотрев на парня.

Тот выглядел внушительно, но был как-то несолидно молод. Лет двадцать с небольшим, наверное. Физиономия чистая, без единой морщины, и на шее кожа натянута, как на тубусе.

– Ну а раз знаешь, тогда что ты тут делаешь? – спросил верзила, продолжая тискать Муха, но уже грубее, так, что пес тихо и испуганно заскулил.

– Жду, – спокойно ответил Максим.

– Кого?

– Тебя, если ты Барон.

Парень прищурил черные, недобрые глаза:

– Значит, тебе нужен Барон?

– Угу.

Верзила усмехнулся:

– И зачем он тебе понадобился?

– Хочу поговорить.

– О чем?

– О деле. Нужно кое-что перетереть.

– Перетереть, говоришь? – Парень криво ухмыльнулся. – Ну-ну. Видать, ты важная птица, если хочешь перетереть с самим Бароном.

Максим тоже усмехнулся и спросил:

– Так ты Барон или нет?

– Нет, – мотнул головой громила. – Я не Барон.

Максим тут же изменился в лице.

– Тогда отпусти мою собаку и топай своей дорогой, – строго сказал он.

Парень выпустил пса, а потом резко выпрямился и вдруг схватил Максима за шиворот и, обронив «а ну, пошли!», потянул его к выходу.

– Стой! – крикнул Максим, упираясь. – Стой, говорю! Орать буду!

– Ори, – спокойно отозвался парень.

– Полицию позову!

– Зови, если жить не хочешь.

Аргумент был весомый и очень хорошо знакомый Максиму по детдомовской жизни. Да и не похож был этот детина на человека, который попусту бросает слова на ветер. Еще немного поупиравшись для проформы, Максим сдался и, быстро перебирая ногами, потрусил рядом с парнем, послушно поворачивая туда, куда его направляла ненавистная могучая рука.

2

На улице черноволосый верзила распахнул заднюю дверцу черного джипа с тонированными стеклами и швырнул туда мальчика, потом подхватил собаку и бросил ее Максиму на колени.

– Потихе ты, амбал! – сердито крикнул Максим.

– Захлопни пасть, – осадил его парень.

Он тоже забрался в джип, пропихнув Максима дальше, и захлопнул дверцу.

– Барон, у меня для тебя подарок! – проговорил он затем уже другим голосом, вежливым, почти подобострастным.

Только сейчас Максим заметил, что впереди сидят два человека. Первый – седовласый водитель с квадратными плечами, второй – странный чернявый субъект в мохнатой дорожной шубе. Перед ним, свесившись со щитка, покачивалась гроздь превосходного винограда. Субъект повернул голову, взглянул на Максима (глаза у него были синие, пронзительные, а в мочке левого уха поблескивала золотая серьга).

– Кто это? – спросил субъект мягким певучим баритоном.

– Какой-то бродяжка, – ответил громила. – Судя по говору – не из московских. Стоял на месте Илонки. Попрошайничал.

Барон пристально и мягко посмотрел на Максима своими синющими глазами, перевел взгляд на Муху, улыбнулся и спросил:

– Не кусается?

– Нет, – ответил Максим.

Барон протянул смуглую руку и погладил Муху по голове.

– Хорошая собака, – похвалил он. Затем убрал руку и снова взглянул на мальчика: – Ну?

И кто же ты такой?

– Я Максим, – ответил тот.

Барон улыбнулся, сверкнув полоской белоснежных зубов:

– Ты считаешь, что это исчерпывающая информация?

– Чего?

– Откуда ты взялся? Зачем попрошайничал?

– Попрошайничал, потому что деньги нужны. А взялся я из Подольска.

– Вот оно что. – Барон чуть прищурился. – И где же твои родители, мальчик из Подольска?

– А я один, без родителей.

– И куда ж они подевались?

– Умерли.

Барон приподнял черную, будто нарисованную бровь и сказал:

– Что-то ты не выглядишь расстроенным, Максим из Подольска.

– А чего мне расстраиваться? Они ведь давно умерли. Я их даже не помню.

Барон коротко и понимающе кивнул:

– Ясно. А ты сам небось детдомовский?

– Угу. Был.

– А теперь?

– А теперь я свой. Сам по себе то есть.

– Понимаю. – Цыган оторвал от грозди виноградину, раскусил ее белоснежными зубами и сказал: – Я тоже птица вольная, в клетке и дня не усiju. А если будут держать против воли – затоскую и помру. – Взгляд Барона стал мечтательным. – Ай, воля-волюшка... Ай, гэнэ рома, рома тэ родэс... – Он снова взглянул на Максима и уточнил с надеждой: – Ты, часом, не цыган?

– Нет, – ответил тот.

Барон вздохнул:

– Жаль. – Он бросил в рот еще одну виноградину, посмотрел на Максима задорным взглядом и предложил: – Хочешь на меня работать?

– Хочу, – ответил тот.

– Молодец! – улыбнулся цыган. – Ты не бойся – не обижу. И есть будешь вволю, и все остальное. Станешь моим другом – и я стану твоим другом, станешь моим братом – и я стану твоим братом. Ну а захочешь со мной поссориться – не обессудь. Это ведь справедливо?

– Да, – согласился Максим.

– Ну, значит, договорились. Эй, Рустем, отвези Максима на квартиру и покажи парню его кровать.

Темноволосый парень-амбал кивнул и сказал:

– Сделаю, Барон. Малец, выбирайся из машины!

Максим приоткрыл дверцу со своей стороны, но цыган мягко его окликнул:

– погоди! А почему из детдома-то сбежал? Докладывай честно, я все равно узнаю.

– А не прогонишь? – уточнил Максим.

– Не прогоню. Уговор есть уговор.

– Пес мой не пришелся ко двору. Вот я и ушел вместе с ним.

Барон посмотрел на Муха и наморщил смуглый лоб:

– А почему не пришелся? Бешеный, что ли?

Максим качнул головой:

– Нет. Аллергия на шерсть. У нашей заведующей, – поспешно добавил он.

Барон вздохнул:

– Бывает. Ладно, Максим из Подольска, на сегодня с тебя работы хватит. Сегодняшний день даю тебе на обустройство, а завтра утром начнешь. Идет?

– Идет. А сколько будешь платить?

Барон улыбнулся и весело сказал:

– Договоримся. – Потом протянул руку, потрепал Муха по загривку и добавил: – А собачка хорошая. Хорошая собачка. Морда жалостливая, глаза умненькие. Будешь брать ее с собой на «точку». Нет возражений?

– Нет, – сказал Максим.

– Ну, топайте.

Максим, Мух и верзила Рустем выбрались из черного джипа.

– Поедем на метро? – уточнил мальчик у сопровождающего.

– Ножками пойдешь, – усмехнувшись, ответил верзила. – До самой хаты. – И добавил, смягчившись: – Тут недалеко.

Шагая рядом с Рустемом, Максим пару раз ловил себя на том, что чувствует чей-то взгляд. Он оборачивался, вертел головой по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Наконец беспокойство мальчика заметил и Рустем.

– Ты чего башкой вертишь? – подозрительно спросил он.

– Ничего, – ответил Максим. – Просто показалось.

– Крестись, когда кажется.

– Я неверующий.

Рустем усмехнулся:

– Станешь, когда поживешь в Москве. Шевели батонами, малец!

3

Майор Жук, он же Старик, он же Стальной Старик, он же – Стальной Жук, был, как всегда, чисто выбрит и аккуратно одет. Серый костюм, синяя рубашка, светлый галстук. Седые усы подстрижены, седая челка зачесана набок. На спокойном лице – внимательное, вежливое выражение, голова чуть склонена набок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.